

Владимир Имакаев

Парадиз

Книга
вторая

Разбитая
хроника

ХРИСТОФОР

Издательский Дом

Владимир Имакаев

Парадиз. Книга вторая: Разбитая хроника. — СПб.: МРО ХВЕП «Христианская миссия», 2008. — 560 с.

ISBN 978-5-8445-0180-7

© В. В. Имакаев, 2007.

© Издание на русском языке. Издательский Дом «Христофор», 2008.

Все права защищены международным законодательством об авторских правах.

Безгранично благодарен Богу за то, что, распределяя таланты, Он никого не оставляет с пустыми руками. Создавать миры, образы и характеры, с одной стороны, выдуманных людей, а с другой — являющимися примерами для многих читателей, я считаю одним из самых приятных даров, который я получил от Бога. От всего сердца верю, что мне удастся в День суда не просто отчитаться за использование полученных талантов, но и принести сверх того.

Эту часть романа я хочу посвятить своей семье, а особенно своим родителям — матери Ольге Алексеевне Лялька и отцу Владимиру Ильичу Имакаеву. Я очень горжусь тем, что я сын своих родителей, и надеюсь, что Вам никогда не будет стыдно за меня.

И как бы обстоятельства не разбили хронику нашей семьи, я верю, что все может быть восстановлено.

Также огромное спасибо всем, кто поддерживал руки и помогал словом и молитвой.

Часто случается, что летописец находит древнюю хронику в виде разрозненных листков и обрывков повествования, однако и такие свидетельства прошлого должно сберегать с тщанием. Ибо как осколки стекла можно собрать в цельный сосуд, так и отдельные события можно выстроить в единую цепь.

Летописцы ордена Святого Луки. XII век

На грани томов

Поддень. Зима в Венеции в 2000 году была скверная, да и с наступлением 2001 года она не стала лучше. Первого января серые тяжелые тучи с рваными краями грозили не только дождем.

Они сползались со всех сторон, словно гонимые ветрами каналов, и собирались над площадью Святого Марка...

Четвертый час вечера. Редкий, но невероятно противный снег срывался и бил в морду крылатому льву, который терпел подобные выходы только потому, что был каменным. Он стоял тут не первый год, и даже не десятилетие, — его существование можно было измерять веками...

За это время много воды утекло. Да, именно воды, в этом городе время и вода очень близки по смыслу. Он сам уже перестал следить за временем, хотя часы находились у его ног, как и весь город. Ведь Венеция начиналась именно отсюда — с площади Святого Марка. Лев просто стоял, опершись лапой на открытую книгу и смотрел... Он многое повидал с этого места: кровавые мятежи и шумные карнавалы, монашеские процессии и казнь еретиков, он даже видел, как республиканцы, пришедшие к власти, дали городу другое имя — Серениссима, и видел, как город снова стал Венецией.

Помнит он, как заходили в гавань пыхтящие дымом колесные пароходы. Стройные фрегаты останавливались передох-

нуть. Шикарные и кокетливые каравеллы со своими изящно изогнутыми боками подмигивали ему — и это помнит каменный страж площади.

Но во все века, как только с прибывшего судна спускались на воду шлюпки, моряков подстерегало самое мощное оружие Венеции. Нет, это не прекрасные дома и фантастические своды мостиков, не хмельное итальянское вино, бьющее в ноги, а не голову, и даже не назойливые голуби, которых лев ненавидел больше всего. (По понятной причине все памятники их ненавидят...) Гости, проплывавшие по главному каналу Каналаццо, теряли головы при виде красавиц-венецианок.

Дамы, похожие на фей в своих чарующих шелковых платьях, проплывали мимо в изящных гондолах, пряча лицо за черной угловатой маской. Они ловили взгляды гостей и невинной улыбкой, будто мастерской подсечкой, цепляли добычу на крючок. Многие из моряков навсегда оставались здесь, теряясь где-то на ста восемнадцати островках и четырехстах мостиках (эти цифры лев знает точно, ведь он тут не первый год, и надо было чем-то себя занять).

Всякое бывало за эти века, но лев не вмешивался в события, он только смотрел. Он был не памятником, а символом города. Ведь не каждому может так повезти, особенно если ты каменный, пусть даже и с крыльями...

Люди приходят поглазеть на него, а он не обращает никакого внимания на окружающих. Многие его фотографируют, но вспышки камер не слепят холодных глаз льва. Некоторые даже молятся ему, но и это его нисколько не волнует.

Он выше людей.

Выше этого города.

Выше времени!

И только мавры выше его.

Огромные мавры, которые бьют в колокол каждый час. И это так надоело, даже если ты каменный и уже пять веков стоишь здесь, а противный снег бьет тебе в морду.

Очередной удар.

— Тьфу на вас, окаянные! Никакого покоя от вас нет! Сама знаю, что опаздываю!

Молясь всем святым, которые только приходили на память, сестра Кассандра — послушница женского монастыря при соборе Святого Марка — бежала, спотыкаясь о каждую выбоину.

— Святой Теодор, сохрани меня, дай мне силы... Пусть меня не изгонят из монастыря... Обещаю, я больше не буду есть в пост шоколад. Откуда она взялась на мою голову, эта всевидящая... Нет, лучше всеподглядывающая сестра Лаура? Кажется, я только немного отведала, и что теперь? Все свои двадцать шесть лет я думала: на то вы и святые, чтобы сидеть там наверху да помогать нам, но ты меня сегодня разочаровал... Или тебе не понравилась свеча, которую я поставила на твои именины? Я, между прочим, на нее истратила половину сбережений сестры Марты. Ты же знаешь, какой жертвой для меня это стало? Особенно, когда обо всем узнали. Твои святые уши, наверное, свернулись бы в трубочку, если бы ты слышал, как из сестры Марты с кротостью полезло наружу бескорыстие. Я уже хотела бежать за отцом Константином, чтобы он умирил эту добродетель. Ты, может, забыл, а я вот помню, что меня еще заставили крапиву выдергивать вдоль монастырской ограды — голыми руками, да еще и хранить обет молчания целую неделю. Я так думаю, что меня уже пора при жизни к святым великомученикам причислить. Послушай, Теодорчик, святой ты мой! Ну, пожалей ты хотя бы матушку Марию-Терезу, ведь у нее большое сердце, порazi ты немотой эту смиренносующую нос в чужие дела сестру Лауру. Ну... или, в крайнем случае, матушку-настоятельницу глухотой. Зачем ей знать, что я съела всю шоколадную помадку, которую приготовили на рождественскую ярмарку. Подумаешь, там и было-то всего ничего, литра три, не больше. Ну что толку, если бы размазали ее на 1000 кексиков, все равно никто бы ее и не почувствовал.

Хотя ладно, ты святой — тебе виднее. Но если меня выкинут из монастыря... То я... То я... Что бы придумать такое? То

я... — На ум ничего не приходило. — Я позже придумаю, так что лучше меня не расстраивай.

— Кассандра! Ты где пропадаешь? — слышалось у ворот монастыря.

— Святой Лука, пусть матушке придет на память семнадцатая глава из твоего Евангелия, особенно стих четвертый: *Если семь раз в день согрешишь против тебя и семь раз в день обратится, и скажет: каюсь, — прости ему.*

— Кассандра!? — Этот крик она услышала, когда уже поднималась на второй этаж, где был кабинет матушки.

Кассандра одним взмахом поправила на себе косынку, которую полагается носить послушницам монастыря и, сделав глубокий вздох, зашагала более ровным шагом.

Сестра Лаура, первая помощница матушки-настоятельницы, стояла возле ее кабинета и была бледна, как смерть. Грозная, внушительных объемов монахиня казалась совершенно беззащитной, одна в этом коридоре. Губы ее были искусаны почти до крови, да и платок, который она теребила в руках, был истерзан до дыр.

— Где же тебя носит, холера ты этакая? Матушка наша умирает. Срочно нужно отца Константина разыскать для исповеди. Чего ты глаза выкатила, мало того, что должна была к полудню явиться, так и теперь словно в землю выросла...

— Что с матушкой? Это из-за меня? Из-за шоколадной помадки? — еле вымолвила Кассандра.

— Ничего я ей не говорила. Не успела. Пришла, а она у окошка без сознания лежит. Плохо ей, бредит постоянно, зовет кого-нибудь, чтобы исповедаться.

— А на кой... Прости, Господи! — Кассандра перекрестилась у статуэтки распятого Христа. — Да зачем же нашей матушке-то исповедоваться, она почище любого ангела небесного, Пресвятая Дева пример с нее брать может...

— Ты не богохульствуй, — теперь Лаура перекрестилась на образ Девы Марии. — Лучше беги скорей, преподобного разыщи, и давай так — одна нога здесь, другая там.

Кассандра кинулась бежать что есть силы.

Хорошо, что она не толстушка. С ее любовью к сладкому, она вполне могла походить на Лауру. Но с генетикой не поспоришь, поэтому она была стройной, но вовсе не костлявой, красиво сложенной, так что могла бы стать покорительницей подиума или, в крайнем случае, актрисой мыльной оперы, которых в Италии предостаточно, и, несомненно, была бы одной из лучших. Кассандра сорвала с головы косынку, покрывавшую ее неостриженные волосы, и густые черные локоны упали ей на плечи, а ветер-хулиган начал играть с ними, подкидывая и развевая.

Кассандра никак не могла поверить, что матушки Марии-Терезы может вдруг не стать.

А еще она была очень сердита сейчас на святых, особенно на Теодора. Почему все произошло именно сегодня, когда все сестры, за исключением нее, матушки и Лауры, отправились в детский дом, чтобы закончить ремонт, который тянулся с прошлого лета. Видите ли, они дали обет святому Марку, что закончат ремонт к Рождеству.

К тому же святой Теодор мог бы не сообщить ей об этом, когда она полчаса назад пробегала мимо собора, где обычно обитает отец Константин. Теперь она опять, сбивая ноги, должна мчаться туда, где окаянные мавры своими ударами в колокол пугают голубей, а каменный лев, возомнив себя птицей, гордо смотрит вниз.

Спешно прибывшие врачи подключили какие-то трубочки и аппараты, способные поддержать последние минуты жизни матушки-настоятельницы. До больницы ее бы не довезли, а на месте они хотя бы облегчат ее переход в иной мир...

Отец Константин пришел, как только смог.

Шесть вечера.

Сестры должны вернуться в семь.

У постели Марии-Терезы хлопотала Лаура, а Кассандра пыталась прибрать в келье матушки. Хотя там и так все было бе-

зупречно чисто. Послушница просто пыталась отвлечь себя от ужасных мыслей о смерти своей покровительницы.

Кассандра, как и все романтические натуры, приехала в Венецию из глухой провинции с единственной целью — найти свою любовь. Разве существует в мире более прекрасное место? Узенькие каналы, гондольеры, распеваящие песни о любви, и мостики, под которыми так нежно целуются влюбленные парочки...

Венеция должна была стать матерью любви, но не стала.

Она обошлась с Кассандрой, как с падчерицей. Хотя нет, мацехи бывают добрее.

За целую неделю она так и не отыскала своего суженого. Деньги закончились, и на обратную дорогу ничего не осталось. Батон хлеба издавал такой соблазнительный аромат, что пустой желудок запел не хуже, чем гондольер. И она сделала первый шаг — украла его. Конечно же, ее поймали. Она разбила лицо полицая. Ее посадили. В тюрьме кормили. Две недели. Кассандра вышла на свободу, похожая на бездомную. Нестиранный воняла хуже помойки, с которой она начала питаться. Черные локоны сбились в пакли, которые она даже не пыталась расчесать.

Женихи на нее внимание уже точно не обратят. Зато Мадам Кабаре разглядела в ней отличный товар.

Пятидесятилетняя женщина с огромной родинкой над верхней губой была похожа на жабу, на очень современную жабу, размалеванную ярко-красной губной помадой, темно-синими тенями, затянутую в бордовую кожу и с малиновой химией на голове. Ходила она так, словно только что слезла с коня, на котором объехала пол-Италии. Когда она удивлялась и расширяла глаза, казалось, что они выпрыгнут и в лучшем случае упадут в огромный вырез на груди, который был непременной деталью всех ее блузок. Мадам Кабаре держала публичный дом «Алая Роза».

Она накормила Кассандру как следует, отмыла и дала новую одежду, а спустя неделю поставила свои условия. У бедной девушки не было другого выхода...

Наступил тот воскресный вечер, когда толстяк, под два метра ростом и почти пятидесятилетнего возраста, зашел воспользоваться услугами «Алой Розы». Это был один из самых щедрых клиентов, и Мадам Кабаре всегда старалась предложить ему самое лучшее. В этот вечер самым лучшим должна была стать Кассандра...

Он увел ее в отдельную комнату, где все благоухало чадящими индийскими палочками и маслами, а ненавязчивая музыка вторила ароматам. Не успел толстяк коснуться девушки, как Кассандра огрела его по голове бутылкой дорогого шампанского.

Кассандра бежала что есть сил из «Алой Розы», вслед за ней неслись проклятия Мадам Кабаре и свистки полицейских. Девушка добежала до причала и, сдерживая комок слез, произнесла, как ей казалось, последние слова в этой жизни: «Прости меня, Пресвятая Богородица».

Она прыгнула в ледяную воду, которая миллионами иголок чек вонзилась в ее тело...

Очнулась она в женском монастыре при соборе Святого Марка, и первое, что увидела, было лицо ангела, по крайней мере, ей так показалось. Просто, по ее мнению, ни один человек на земле не мог обладать столь светлым и добрым лицом. А глаза? Это же небо. Даже нет — Небеса!

Ангелом оказалась матушка-настоятельница Мария-Тереза, которая в лучах солнца была очень похожа на самого настоящего ангела. Ей было лет семьдесят, но морщины не коснулись ее лица, и только маленькие складки на щеках говорили о том, что большую часть жизни она улыбалась. Хотя иногда было не до улыбок. Настоятельница держала Кассандру за руку и тихонько молилась, а когда заметила, что девушка пришла в себя, лицо ее засияло ярче солнца.

— Как ты, милая? — спросила она голосом, словно пропитанным медом и весенними ароматами.

— Где я? — спросила Кассандра.

— Дома. Ты здесь будешь в безопасности.

Так и получилось: она осталась при монастыре в качестве гостыи и послушницы. Как ей казалось, все были рады ее появлению. Все, кроме Лауры. Кассандра как-то нечаянно услышала разговор Лауры с другими сестрами.

— Нет, я не понимаю нашу матушку! Ну что она нашла в этой девке? Мало того, что она, рискуя собой, кинулась за ней в канал, чтобы вытащить и спасти, так еще и сюда приволокла. Ну хорошо, мы должны быть сострадательны, но не до такой степени, чтобы всех блудниц с улицы подбирать. А вы слышали, что пришла эта нахалка Мадам Кабаре и стала требовать выкуп за эту девчонку. Мол, она на нее кучу денег истратила и теперь отрабатывать зовет. Так матушка из своего кармана за нее выкуп заплатила, и немалый, зачем только, не понимаю.

— Злая ты, Лаура, — ответила одна из монахинь. — Зря ты ее блудницей называешь. Иисус Марию Магдалину никогда блудницей не называл, а позволил служить Ему. Да и какая же она блудница? Я слышала, что наша Кассандра одного из клиентов отбила от «Алой Розы» в прямом смысле этого слова, бутылкой отбила, так тот постеснялся в полицейский участок идти, а теперь и носа там не показывает. А может, ты сама за-была, как тебя полуголодную матушка приняла?

Лаура не сказала ни слова. А Кассандра убежала в свою келью вся в слезах. Что-то коснулось глубины ее сердца. Что-то теплое и приятное. Она сама не могла понять, что сделала такого хорошего, что матушка к ней так относится. Никто и никогда на этой земле еще не делал для нее ничего подобного. Разве что Господь Иисус...

Ей как-то сразу стала ясна жертва Христа. Он так же бросился в холодную воду этого грешного мира, чтобы спасти ее. Иисус решил заплатить за нее выкуп самым дорогим, что имеет человек, — жизнью. Матушка Мария-Тереза могла быть только ангелом, убедилась Кассандра. Девушка твердо решила, что теперь посвятит свою жизнь молитвам и служению церкви, а, в частности, матушке Марии-Терезе.

Что и делала последние пять лет.

Кассандра заработалась в туалетной комнате, когда услышала, что исповедь началась. Она не хотела мешать, ведь выйти значит прервать молитву и предсмертные откровения покровительницы. Подслушивать — это еще ужасней. Но она не находила сил, чтобы сделать первый шаг. И чем дольше длилась исповедь, тем сложнее было себя перебороть.

— Матушка, — словно елей разливался голос отца Константина, относительно молодого по отношению к настоятельнице и достаточно старого по отношению к Кассандре. — Отец Небесный уготовил вам обитель, прекрасную обитель в Своем Небесном доме. Я отпускаю каждый ваш грех и надеюсь, теперь ваша душа чиста? Вам больше нечего рассказать?

— Нет, святой отец, я исповедалась во всем, — тяжело переводя дыхание, ответила матушка.

— Позвольте, тогда я вас спрошу кое о чем? — взвешивая каждое слово, говорил преподобный.

— Конечно. — Матушке скрывать было нечего.

Или почти нечего.

— Матушка, вчера я случайно наткнулся на странный дневник в вашем кабинете...

Звук пульса на аппарате, подключенном к Марии-Терезе, участился в два раза.

— Не знала, святой отец, что у вас есть привычка лазить по чужим столам.

— Зря вы так, матушка, мне просто срочно нужны были документы об аренде помещения, в котором располагается монастырь, вот мне и пришлось открыть ваш ящик. Там среди прочих бумаг я и обнаружил этот дневник. — Священник достал из-за пазухи небольшую общую тетрадь.

Испачканная кровью и грязью, она была свидетелем чего-то страшного. С виду ничего особенного в ней не было. На задней стороне только государственный штамп: «Сделано в СССР. Тетрадь общая. 96 листов. 1983 г. Регистрационный номер № 2345-9873-00». Зато обложка была подписана красивым почерком по-русски: «Кондрат Марина».

— Нужно было хорошо искать, чтобы его обнаружить... — Матушка была очень расстроена, и Кассандра впервые слышала подобный тон.

— Да, он был хорошо припрятан, и поэтому заинтересовал меня. Что это за дневник? Что за заклятья там написаны?

— Не верю своим ушам — вы читали его?

— Не весь... Только стихотворение на форзаце, которое написано на арамейском.

— Не знаю, о чем вы говорите...

— Я напомню. — Священник открыл дневник и прочитал отрывок:

...Он темный ангел бездны,
Долин теней глава.
Тебе он не позволит
Открыть секрет плода,
Свои секреты строго,
Хранит, как темный грех,
И смертью покарает
Могучий Сипталех.

Матушка закрыла глаза и заплакала.

— Святой отец, вы сами не знаете, что вы наделали. За семнадцать лет я ни разу не открывала этой тетради, не говоря уже о том, чтобы читать из нее что-то. Вы навлекли ужасную опасность не только на себя, но и на весь мир.

— Матушка, вы бредите? — Священник был напуган.

— Не сомневаюсь, что Сипталех уже в пути... — усталое безразличие слышалось в голосе Марии-Терезы.

— О чем вы говорите?

— Вы хотите узнать? Что ж... Я вам расскажу.

Осколок 1

Исповедь

Мне было тридцать, когда Бог призвал меня, а случилось это так.

Я не видела смысла в жизни и надеялась, что в глубинах Адриатического моря наконец-то обрету покой. У меня не было семьи с тринадцати лет. В приюте меня недолюбливали, из-за того что отец был евреем, да и война оставила тяжелый отпечаток на моем сердце.

Меня обманывали так часто, что я уже перестала верить, что есть правда. И была ли она вообще? Моя фигура и большие голубые глаза приносили мне только неприятности. Я работала горничной во многих домах, но каждый мой работодатель надеялся получить больше, чем просто исполнение обязанностей по дому. Я не задерживалась долго на одном месте, так как была честной девушкой.

Последний мой хозяин дон Фернандо, оскорбленный моим отказом, подставил меня, и я оказалась в тюрьме.

Выход на свободу не принес мне ничего утешительного, я попала в капкан. Мое рекомендательное письмо было испорчено. Никто не хотел брать в дом преступницу, и со мной случилось то же, что и с бедняжкой Кассандрой. Вы не поверите, но наши истории настолько похожи, что я не могла остаться к ней равнодушна. К сожалению, в моем случае не оказалось бутылки в номере, куда пришел мой первый клиент. Или мне просто не хватило мужества...

Я чувствовала себя ужасно грязной, и мне казалось, что прыжок с кручи в пучину моря освободит меня навсегда от этого чувства.

Меня, с переломанными руками и ребрами, полумертвую, нашел рыбац-отшельник.

Целый год он меня выхаживал. Он стал мне отцом, которого я когда-то потеряла. Он рассказал мне о Христе, о Его жертве и очищающей Крови...

Я почувствовала себя чистой... Святой... Новой...

Я больше не могла оставаться в Италии и, приняв монашеский постриг, отправилась в страны Востока, чтобы помогать людям, приносить им весть о Спасителе мира.

Больше двадцати лет я служила, отдавая все свои силы и умения, работая в Красном Кресте. Моя жизнь была стабильной и относительно спокойной. Я нашла себя и никогда не считала, что это скучно.

Но мой покой был нарушен.

Это произошло осенью 1983 года. Последние три года я провела в Израиле и как раз собиралась возвращаться в Италию. Мне предложили стать настоятельницей монастыря в Венеции. Я долго отказывалась, но в результате согласилась. Вещи были собраны, молитвы о предстоящей дороге вознесены. Мой путь домой лежал через Сирию.

Тартус — город, откуда должен был отходить мой корабль через месяц, был отличным местом для ожидания, но я решила, что лучше посетю некоторые святые места, прежде чем покину Восток. Мне пришлось определить новый маршрут. Я отказалась от билета на теплоход, который следовал из Тель-Авива до Тартуса, и, купив карту, очертила жирной линией путь через Вифлеем, Вифанию, Иерусалим, Назарет, Кану Галилейскую, Капернаум, Яффу, гору Синай, и напоследок я решила зайти в Дамаск. Это была неожиданная идея и очень опасная, но опасности давно перестали меня пугать.

Мои поездки по Израилю прошли довольно успешно. Я даже и не думала раньше, насколько сильно стимулируют нашу веру

подобные вещи. Находясь в Вифлееме, я словно прикоснулась к Рождеству, мне даже показалось, что я видела ту самую яркую звезду и волхвов, пришедших с Востока. Плач Младенца словно касался моего слуха, и далекие ангельские распевы «Слава в вышних Богу...» были всеобъемлющим фоном.

В Кане Галилейской дом, в котором Иисус совершил свое первое чудо, пробудил во мне странное чувство, что я тоже могу совершить нечто подобное. Чудо было так близко, словно его нужно было только схватить за край одежды и обрести навсегда.

Я прошла от Гефсимании до Голгофы, и это было не очень-то легко. Мое сердце, казалось, разорвется на части от горя. Я словно шла по каплям святой крови, которые были видны только мне. Я представила себя на месте Девы Марии, и слезы омыли мое лицо. Словно моего сына, израненного и избитого, толкали и унижали у всех на виду, били плетью и плевали в лицо. Словно моей кровинушке взвалили на спину непосильный крест, который он все же старался нести. Именно мой грех был так тяжел для Спасителя, именно мои болезни в виде креста прижимали Его к земле. Но на Голгофе я взглянула на то, что Он видел в последние минуты жизни — Иерусалим, и повторила за Ним: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают».

Я была в тех местах, где Бог говорил к народу, где жили пророки и совершали чудеса, где апостолы проповедовали первое Евангелие... Оставалось только зайти в Дамаск и увидеть город, в котором Савл стал Павлом*.

Перегруженный автобус ехал по дороге, которую видел, наверное, только изнуренный зноем водитель.

Невыносимая жара превращала пустынную долину в некое подобие дребезжавшего марева, которое было безгранично и необъятно. На шестой час поездки я перестала обращать внимание на запах пота, исходивший от моего толстого соседа, на

---

* Гонитель церкви — Савл после обращения в христианство изменил имя и назвался Павлом, что означает «малый, маленький».

галдеж пары десятков ребятишек, которые безостановочно всю дорогу что-то кричали по-арабски. Привыкла к грозной даме (укутанной в десятки слоев льняной ткани), которая на каждом повороте прижимала меня к соседу. Да и недостаток кислорода тоже будто стал нормой для автобуса с семьюдесятью пассажирами. Я сама стала частью всеобщей неразберихи и безграничного марева...

Вдруг послышался нарастающий свист.

ВЗРЫВ.

Автобус подкинуло.

Обрывающиеся крики, звук ломающихся костей и потоки крови обрушились на меня...

Дважды перевернувшись в воздухе, автобус с силой ударился о землю.

Тишина.

Редкие стоны доносились из-под груды тел, которые теперь смешались без разбору. Я оказалась прижатой между потным соседом и дамой в парандже, правую ногу зажало где-то под сиденьем, а в остальном я чувствовала себя довольно сносно.

К автобусу подъехал грузовик, и из него выскочили человек семь. Мужчины с автоматами наперевес окружили автобус. Все увешанные патронами и гранатами, с лицами, закрытыми до глаз.

— Хороший удар, Хасим, — сказал кто-то.

— Слава Аллаху, а не мне, — скромно ответил тот.

— Так, доставайте по одному, если кто остался в живых — убивать. Ценные вещи и бумаги складывайте в ящик, а барахло кидайте в грузовик.

Открылась дверь перевернутого автобуса и...

Я потеряла сознание.

Это спасло мне жизнь.

Очнулась я среди смердящей кучи человеческих тел. Драгоценностей у меня не было и до этого, так что переживать потерю мне не пришлось. Правда, чемодан с моими вещами пропал, как и все чемоданы и сумки других пассажиров. Раз-

бойники забрали все, даже одежду с более или менее прилично одетых трупов мужчин. Женщин они не тронули и, слава Богу, так как под парчовой накидкой, покрывавшей меня с ног до головы, была спрятана от лишних глаз моя монашеская риза.

Я слышала раньше о разбоях, которые совершали бедуины Сирии, но за все годы моей жизни на Востоке я впервые столкнулась с подобным варварством. По-настоящему становилось страшно и холодно, потому что солнце предательски быстро уходило за горизонт. Первая попытка встать не увенчалась успехом, и я упала на грозную даму, укутанную в свои ткани.

Ночевать пришлось прямо в пустыне. Я отбежала как можно дальше от того злополучного места, чтобы голодные хищники, привлеченные легкодоступной трапезой в виде моих бывших попутчиков, не съели и меня за компанию. Но и не слишком далеко, чтобы увидеть, если кто-то вдрут поедет этой дорогой.

Я оказалась хуже разбойников-бедуинов.

Укутавшись льняной тканью, пропитанной в нескольких местах кровью, я немного согрелась и уснула.

Три дня я брела вдоль дороги без еды и воды.

Пустыня...

Голову сильно пекло, но я уже привыкла.

И только к вечеру, когда солнце снова поползло к горизонту, меня охватило отчаяние. Перед глазами все плыло, язык распух, а опаленные и обветренные губы словно онемели. Я упала на колени, наблюдая как марево принимает красноватый оттенок, и начала молиться.

Я чувствовала себя так одиноко, мне даже стало казаться, что Бог и тот потерял меня из виду в этой необъятной местности сплошной пустоты.

Марево дрогнуло.

Дрогнуло как-то уж очень необычно.

Мне показалось, что оно ожило.

Словно тени невидимых существ пробивались сквозь него...

Человекоподобная фигура вырисовывалась и тут же пропадала.

Нет! Точно — человек метра в ста, словно мираж, бежал ко мне... Два человека... Три! Четыре! Пять?.. Шесть, семь, восемь... Девять! Десять! Одиннадцать! ДВЕНАДЦАТЬ! ТРИНАДЦАТЬ! И четырнадцатый, висящий на двенадцатом и тринадцатом.

Эти люди бежали что было силы. И чем ближе они были ко мне, тем реальней становились их фигуры. В какой-то момент они вырвались из среды марева и миражей и стали настоящими. Они словно преодолели какой-то невидимый, но существующий барьер.

Они увидели меня. А я увидела еще одну фигуру, пытающуюся пробиться в этот мир из марева. Всадник, облаченный в черное одеяние, гордо сидел на спине такого же черного жеребца. Но вся нереальность ситуации была в том, что жеребец не ступал по земле — он парил, расправив огромные крылья.

За ним клубилась тьма. Не тень чего-то, а сама Тьма. Мрак. Кишащее месиво маленьких крылатых уродцев. Демонов и бесов было неисчислимое количество.

Я начала молиться сильнее.

— Мы не успели, все кончено! — крикнул женский голос по-русски.

— Валентина, перестань, мы должны верить — ворота закроются с заходом солнца! — прозвучал ответ.

— Андрей, смотри, Сипталеху что-то мешает смотреть в нашу сторону, — сказал один из них и снова на русском языке.

Я продолжала молиться.

— Это женщина! Он не может на нее смотреть! Быстрее к ней!

Словно по команде все четырнадцать человек подбежали ко мне.

— Не переставай молиться! — сказала женщина на моем родном языке.

А я и не думала переставать.

Солнце спрятало свою макушку.

Марево исчезло вместе с Тьмой и полководцем, которые так и не смогли переступить границу.

Это были русские ученые.

Марина, языковед, отлично говорила по-итальянски, так что даже я заслушивалась.

Степан, молодой и веселый парень, очень мне понравился, если бы у меня был сын, то он, наверное, был бы похож на него. Думаю, его мать им гордится.

Валентина, биолог, такие вещи мне рассказала про травы, что я в жизни не слыхала. Есть знахарство и колдовство, а есть и точное знание — в какой травинке сила целебная от гриппа, в какой от бессонницы. А вы-то думаете, откуда я свои чаи целительные взяла. Все из ее рассказов.

Вадим — очень умный молодой человек. И этого достаточно.

Иннокентий, ну прямо-таки чудака-человек, хлебом не корми — дай только взорвать что-нибудь.

Андрей и Ксения, отличная пара, их в пример надо ставить. Любовь — сильное оружие, никакой демон не разрушит.

Илья мало разговаривал, все писал что-то, а по ночам на звезды смотрел. Он-то нас и вывел. Постоянно повторял: «Неужели мы в Сирии? Это невозможно...»

Михаил на французском как на родном языке болтал. Но из уважения ко мне в моем присутствии всегда говорил по-итальянски.

Анатолий был очень загадочным, постоянно расстроенным, он все какую-то комбинацию просчитывал.

Евгений, теолог. Ох, я с ним и напорилась вдоволь. Знаний много, а понимания у него не было.

Вениамин Семенович — как он представился, так я его и называла — на пару с Ильей-звездочетом маршрут прокладывал.

Николай, как мне говорили, мастер по камням, то ли ювелир, то ли строитель, я не поняла.

Валентин, здоровый детина, тот, что повис на плечах у друзей, когда убегал. Он погиб в Тартусе.

За то время, пока мы были вместе (а это всего неделя), я очень привязалась к этим ребятам.

Сразу скажу, что я у них ничего не спрашивала и они мне рассказывать много не собирались. Первый большой город, который был поблизости, — это Дамаск. Так что мое желание увидеть часовню Святого апостола Павла исполнилось, хотя я уже думала о том, как скорей уехать подальше с Востока. Пока я была в часовне, мои друзья встречались с послом Франции. Не знаю, о чем шла речь, но переговоры длились очень долго и завершились, видать, успешно, потому что вечером ученые заснули спокойно. И никто не молился в ту ночь...

Да и все было бы спокойно...

Если бы Сипталех не отыскал нас!

Да, именно он. Именно в Дамаске. Именно в ту ночь...

Они расслабились — ведь все было решено на земном уровне, а о духовном мире забыли. Франция дала согласие принять их как беженцев. После переговоров с послом Франции они дали о себе знать и в советском посольстве. Хотя посол СССР и заявил, что «страна ждет обратно своих героев и предоставит им все привилегии», они знали, что подразумевается под словом «привилегии», и ехали в СССР только для того, чтобы забрать свои семьи. Как оказалось, в пустыне погиб их начальник, которого они называли Иванов, и это еще более усугубляло их положение в глазах родины.

Повеяло жаром.

Конечно, в такой стране, как Сирия, нет ничего необычного, если веет, как из резко распахнувшихся дверей турецкой бани, но это был будто жар тридцати султанских жаровен, в которых запекали откормленного теленка целиком. Букет жасмина, стоявший у окна, задымился, распространяя тонкий аромат, вспыхнул и рассыпался в прах. Ситцевые шторы съежились и пожелтели...

Стало трудно дышать.

Так как мы все спали в одной комнате, хотя и очень большой, мы сразу ощутили недостаток кислорода. Я открыла глаза и увидела, как марево (да, именно марево, такое, как в пустыне, когда раскаленный песок плавит воздух), словно теплая нуга затекает в окно и расплывается по дому. Половицы под воздействием жара скручивались и темнели. Ковры на стенах сначала утратили свой яркий цвет в тлеющей дымке, а после, истлевая, осыпались на пол.

Стало казаться, что пустыня пришла в гости. Пришла незванная. Окружила нас со всех сторон.

Вадим встал со своей постели. (Хотя это и постелью-то не назовешь — мы спали на полу, на матрасах, а цилиндрической формы подушка, туго набитая верблюжьей шерстью, была единственной роскошью.) Он взял свою подушку и кинул в марево. Бедная — она даже не долетела до пола. Горстку пепла сразу подхватил какой-то ветер и развеял среди марева.

— Не сработало... — с досадой сказал Вадим, все еще надеясь, что это мираж.

— Это выходки Сипталеха, — прозвучала тихая догадка Ксени.

— Но как? Он же житель мира за горизонтом. Он не может выходить за его пределы!

— Не мог, — поправил ее Анатолий.

— Значит, мы вынесли что-то из его мира, — пытался разобраться Михаил. — Помните то заклятье:

...Готов ли ты проститься?
Ничто не сможешь взять.
Здесь все должно решиться,
И нет пути назад.
Решешь ты возвратиться,
Проснется стражник врат...

— По-моему, тут говорится о том, что нельзя ничего пронести с собой в тот мир, а не из него, — добавила Марина.

— Какая сейчас разница, если мы в его ловушке?

— Кто такой Сипталех? — спросила я.

Все вдруг вспомнили обо мне. Они забыли, что я не была с ними за горизонтом. Они переглянулись и поняли, что и так уже сказали больше, чем хотели.

— Сипталех — жестокое существо. Мститель. Убийца не только тел, но и душ. Князь другого мира. Мира, который существует, но невидим. Демон, охраняющий дорогу к вечной жизни. Он живой и мертвый одновременно, передвигается как хочет по своему миру.

— Теперь и по нашему, — снова поправил Анатолий.

Если бы живое марево не окружило нас, я бы не поверила в эти бредни. Страшилки о жреце Киранезе, который продал свою душу аду ради мести и обрел облик непобедимого демона Сипталеха, я слышала не раз в этих краях. Но я думала, что это истории, которыми пугали друг друга кочевники. Я сразу вспомнила о Карте седого бедуина, о которой мне довелось как-то узнать. Карта, на которой были отмечены все зыбкие и опасные места по всему Востоку. Легенда карты гласит, что молодой бедуин Джахва отправился искать счастье и обошел весь Восток, пройдя топи и зыби, перевалы и знойные пески, побывал даже в аду и краем глаза видел рай, но счастье нашел, когда вернулся домой. Его одежда была истрепана, лицо исписано морщинами, а черные, как уголь, волосы побелели. Единственное, что он принес с собой, — это карта, на которой он оставлял свои заметки. На ней было обозначено все, что встретилось ему на пути: холмы, зыбучие пески, и главное, — место, где находятся ворота, ведущие в ад.

Я не видела этой карты, впрочем, и никто из бедуинов не видел. Я не верила раньше в истории о Киранезе-Сипталехе, как и все бывшие со мной в комнате. Я не хотела умирать — ведь все нормальные люди этого не хотят.

— Чего он ждет? — спросила я, но ответа так и не дождалась.

Ответа от людей.

Зато ответ дал некто...

— Ты мне не была нужна, — словно шорох пересыпающегося песка, шелестел голос из марева, — но теперь ты знаешь слишком много...

Я сталкивалась с духовными проявлениями, когда помогала на протяжении двух лет преподобному Георгию из Ватикана, несущего служение экзорциста, но это переходило всякие рамки и внушало жуткий страх.

— Верните книгу, и я отпущу вас, — с каждым словом марево содрогалось и жар обдавал наши лица. — Книгу и...

— Ты не имеешь права тронуть нас! — крикнул Вениамин Семенович.

Марево рассмеялось.

— Имею. Все права имею! Вы взяли мое, а я возьму вас...

— Ты не запугаешь нас, лживое отродье! — Я ощутила прилив смелости.

Марево начало сужать кольцо, и нам пришлось сбиться в тесный круг, чтобы губительный жар не касался нас.

— Мария-Тереза, не зли его, — сказал кто-то (скорее всего, это был Иван, и мысль для звездочета довольно трезвая).

— Нет, вспомните! В пустыне Сипталеха ослепила молитва Марии-Терезы, и сейчас он не злился бы, если бы ее слова не цепляли, — догадался Андрей. — Мария-Тереза, прикажите ему убраться прочь. Начните свою молитву, а мы вас поддержим.

Раньше Андрей Новак побоялся бы сказать подобное. Но теперь, пройдя через мир за горизонтом, каждый из них понял, насколько важна вера в Бога, славу Которого они видели своими глазами. Молитва крепче любой брони и сильнее любого оружия.

У меня не было другого выхода, и я, вспоминая, как это делал преподобный Георгий, подняла свой голос:

— Я служительница Бога Всевышнего, выхожу против тебя, демон тьмы, и запрещаю...

Раскаленное марево хлестнуло меня по лицу, и пощечина оставила на нем ожог. Как только я нашла в себе силы открыть

глаза, то увидела в этом расплавленном воздухе своего врага. Высокий и смуглый, худощавый, но очень жилистый, он тоже смотрел на меня своим бездонным взглядом. Типичный египтянин древних времен: чисто выбритые лицо и голова, длинные одежды с золотыми пластинами, массивные браслеты на руках, а на груди ожерелье, больше похожее на кольчугу из золотых колец, и символ бога Амона Ра с огромным алмазом посередине. Это был не простой жрец, а жрец бога Солнца, личный колдун фараона, только они удаивались такой чести, как алмазное ожерелье.

— Служительница Бога?.. Так что же ты стесняешься своего Бога? — прошептал он, и марево, словно его руки, сдержало с меня парчовую накидку, спалив ее в воздухе.

Никто из моих друзей не догадывался о том, что я монахиня, а я не особо хотела этим похвалиться. Да и времени не было... Не знаю почему...

— Ну так, служительница Бога, не забыла ли ты за своими обрядами, чему учил вас Господь? — Киранез (а именно в этом образе он был сейчас) насмеялся надо мной. — Он учил вас, кажется, так: «Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку». Или я не прав? — Тут он ударил меня по другой щеке, только намного сильнее и в этот раз своей рукой, которая была горячее марева.

От удара пошатнулась вся группа, а Анатолий, стоявший с краю, упал бы в марево, если бы его не удержали, но руку он обжег так, что пальцы покрылись волдырями. Мы убедились, что это не мираж.

— Ну так что? Еще кто-то хочет быть служителем Бога? Или будем играть по моим правилам?

Все были испуганы. У меня лицо горело так, словно его облили кипящим оливковым маслом, но неожиданно для себя я сказала:

— А я не отказывалась быть служителем Божьим...

— Ах, тебе мало? — взбешенный брошенным вызовом, он замахнулся для нового удара.

— Я запрещаю тебе именем Иисуса Христа!

Моя рука смогла перехватить его удар.

Это было даже легче, чем удержать расшалившегося карапуза из нашего приюта. Его рука внушительных размеров была подобна лесному хворосту, который я могла бы сломать пополам одним движением.

Я прочитала испуг в его бездонных глазах. И это придало мне сил.

Киранез зашептал что-то на рычащем, грубом языке, и я заметила, как марево, подобно волне, начало медленно отползать снизу и подниматься вверх, закручивая гребешок.

Волна раскаленного воздуха помчалась на нас.

Но она разбилась о невидимую преграду вокруг меня и моих друзей.

— Да кто ты такая, что кидаешь вызов мне, владыке Долины теней?

Какими бы важными не были его титулы, вырваться из моей руки он не мог. Тогда он решил меня запугать. Его лицо стало вытягиваться, а рот превратился в уродливую пасть, из лысой головы выростали два закрученных рога, а рука, которую я держала, покрылась мерзкой зеленой кожей, как у ящерицы, вылезшей из болота.

— Жалкое насекомое, — шипел он своим раздвоенным языком, — прислужница распятого лицемера...

Вот это меня обидело!..

Мне стало обидно не за себя, нет, не за «жалкое насекомое», меня давно не касаются обиды, направленные в мою сторону. А вот оскорбления в адрес Бога, тем более из уст лживого демона, могут разозлить даже монахиню.

Свободной рукой я ударила его по морде. Именно по морде, противной и вонючей, испускающей зловонный огонь. И этот удар свалил его наповал.

Марево развеялось с нашей стороны.

Иннокентий, воспользовавшись моментом, взорвал что-то у освобожденной стены, и мы выбежали на улицу, оставив бесчувственного монстра приходить в себя и делать выводы насчет того, стоит ли ему преследовать нас дальше и тягаться силой со служителями Бога.

Киранез принял неправильное решение, но подготовился к следующему разу получше.

Итак, за три дня до отправления моего корабля мы прибыли в Тартус, их же корабль отходил вечером. Русское посольство выдало новые паспорта и билеты из Тартуса до Стамбула, а уже из Стамбула их путь лежал в Одессу. Они были взволнованы, и мне кажется, сильно боялись того, что их ждало в России. Как я хотела бы поехать с ними, но не могла. Вы же знаете: попасть в СССР иностранцу — почти то же, что верблюду пройти в игольное ушко. Я проводила их до теплохода и решила, что буду стоять на причале, пока корабль не скроется из вида.

Перед тем, как взойти на борт, где в сопровождении уполномоченного человека из посольства они должны были отправиться в дорогу, Марина отозвала меня в сторону.

— Сестра Мария-Тереза, я хочу вас кое о чем попросить — надеюсь, вы мне не откажете?

— Что я могу сделать для тебя, родная? — спросила я.

Марина достала тетрадку (ту самую, что вы держите в руках, преподобный) и протянула мне.

— Возьмите ее, я знаю, что в ваших руках она будет надежно спрятана.

— А что в ней?

— Это мой дневник. В нем я записывала все, начиная с первого дня пути до этого момента.

— Можешь не переживать, я не стану его читать, мне хватило того, что я уже увидела.

— Да если бы вы и захотели, то не смогли бы, наверное. Вся тетрадь исписана шифром, о нем знаем только мы с отцом. Единственная незашифрованная запись — это стих на арамей-

ском языке на форзаце. Хотя я думаю, что он даже прародитель арамейского. Но это все не столь важно, как то, что эта тетрадь должна быть в надежных руках. Я не хочу, чтобы до нее добрались коммунисты или какие-нибудь военные.

— А почему ты ее не уничтожишь?

— Здесь очень ценные исторические и археологические факты, кроме того, здесь ключ к панацее. Здесь ключ от самых страшных болезней и, главное, от смерти. Открою вам тайну: мы видели сад, в котором есть источник вечной жизни. Это там, в «мире за горизонтом». И может когда-то, когда люди будут бессильны против болезней, это объединит их и перечеркнет всякие войны, этот ключ...

— Марина! Нам пора! — крикнул Андрей.

— Не бойся — это будет нашей тайной. Твоей и моей, — я крепко обняла Марину, как в последний раз.

— Да, и о том стихе. Я не уверена, но мне кажется, что именно он разбудил Сипталеха. Если хотите, вырвите его из тетради.

— Я не стану этого делать. Если это на самом деле привлекает к себе мстителя, то это защитит дневник от злых людей. Я демона вызывать не буду, а если кто и сунет свой нос, тот будет разбираться лично с Сипталехом.

Марина взбежала на палубу, а я осталась на причале.

Трап подняли, корабль медленно оттолкнулся от берега и пошел к портовым воротам. Затем он, свистнув на прощанье, вышел в море, а я узкими улочками начала пробираться к гостинице, где намеревалась дожидаться своего корабля.

Я отошла не так далеко от порта. Идти стало легче, и воздух посвежел. Преодолев очередную горку, я решила передохнуть и еще раз насладиться видом заката. В Тартусе это было удивительно красивое зрелище. В лучах бордового заката все словно оживало, превращая город в иллюстрацию к «1000 и одной ночи».

Маленькие квадратные домики из глины, построенные очень тесно, были похожи на отару диких баранов, которые

словно толпились у водооя, толкаясь и заползая на спины друг друга. Море похоже на вишневый кисель, в котором плавали дольки сухофруктов, разливавшийся до самого горизонта, а может и дальше. Сухофрукты — аккуратные рыбацкие лодки, которым нет числа. Пришвартованы они были так плотно одна к другой, что и малек не прошмыгнет. Ну а шумных людишек в порту — не счесть. На первый взгляд это выглядело как хаос, но каждый шел своим путем и имел свои цели. Красивое бордовое марево стекало по соседней улице, словно река, стремящаяся к морю...

Марево?

Из небольшой струи оно превратилось в лавину, которая, набирая скорость и высоту, мчалась к порту. Сомнений не было — это проделки Киранеза. Или Сипталеха? Хотя какой облик он принял, значения не имеет, важнее его непреодолимое желание уничтожить последних свидетелей Райского сада.

Я кинулась бегом на соседнюю улицу, чтобы перехватить лавину, хотя пока не знала, как я это сделаю. Все, что пришло мне в голову, — это встать у нее на пути.

Огромная волна приближалась со скоростью, не сравнимой ни со скоростью морской волны, ни со скоростью лавины, сходящей с гор, это была чудовищная скорость. Мгновенье — и она накроет меня.

Разбившись как о волнорез, лавина поднялась в воздух тысячами брызг.

Замерла.

Перелетев над моей головой, брызги марева собрались вновь и опустились на землю.

Оно снова поползло вниз.

Обтекая меня стороной, марево опять приняло форму лавины, и, набрав скорость, потекло дальше, оставив на земле только шесть темных сгустков, похожих на разлитый деготь.

Черные маслянистые пятна (так мне показалось сначала) ожили. Сначала я заметила только какое-то волнение на их по-

верхности, но мгновением позже они начали расти, но не растекались по земле: они вытягивались вверх. Как летняя смола вытягивается вниз с ветки, так они принимали форму чего-то широкого у основания длиной в человеческий рост и округлого на верхнем конце.

Шесть трехметровых человекоподобных существ смотрели на меня своими бездонными глазами. Я даже и не поняла сначала, были ли это глаза или просто дыры глубиной в бесконечность.

Они смотрели на меня, вытянув шеи. Однако шеи как таковой не было. Не было ничего, только черные балахоны, которые отблескивали маслянистыми пятнами. А под балахонами ничего — только тьма! Объемная тьма. Живая тьма и очень враждебно настроенная. И бездонные глаза, посаженные в этой тьме, которые не сводили с меня пристального взгляда.

Это были демоны мрака, главные прислужники ада.

— С-с-стой, — прошипел один из них. — Инач-ч-че умреш-шь.

Голос доносился из глубины его сущности и пронизывал меня насквозь. Я и вправду не могла пошевелиться.

— Вы не можете причинить мне зла, — говорила я... и сомневалась, а они это чувствовали.

Им нужен был мой страх. Страх, который парализует веру. Мою духовную силу. Меня всю... И они этого добились.

За спинами демонов я видела, как лавина-марево, разогнав шумный людской муравейник, вторглась в море, сжигая лодки и поднимая пар от вскипающей воды на своем пути. Своей цели она достигнет минут за пять. Кто ее остановит? Кто поможет моим друзьям? Кто поможет мне? Я понимала, что помощи ждать неоткуда. Надо бороться самой.

И я побежала.

Повернулась к демонам спиной и побежала.

Бежала я что есть силы, еле сгибая окаменевшие от страха ноги.

Я не хотела оглядываться. Моим желанием было убежать подальше отсюда, а куда?.. Я не знала. Главное не останавливаться. И я не останавливалась!

Узкая улочка вилась змеей и, казалось, что не я бегу, а мир пробегает мимо: дома, перекрестки, любопытные зеваки, брусчатка, старик с арбой, резкий поворот, дети, собаки, женщина (я ее толкнула), проклятие вслед, поворот, лужа, дорога, угол, мусорная куча, битые ящики, стена...

Стена?

Стена.

С трех сторон стена!

С четвертой стороны за спиной...

Я нашла силы повернуться и увидела, что они не отстали. Шесть черных теней вились следом за мной. Они не шли ногами, не летели, даже не ползли — но они перемещались. Словно тряпка, зацепившаяся за край подводы, невидимой нитью приподняв одну сторону, волочится следом. Так и они тянулись за мной. Мой страх был нитью, которая зацепила их.

Один скользил по крышам, другой по козырькам над входными дверями и еще четверо просто по земле. Остановились они в трех шагах от меня. Выровнялись, встав на свои бестелесные ноги, и тот, который был, наверное, главным, вновь заговорил.

— Я предупреждал тебя, — прошипел он с какой-то особенной злобой, еще более жуткой, чем до этого.

Легкий черный дымок стал выползать из их рукавов, растягиваясь в воздухе лентой. У каждого дымовая лента была своя, и каждая длиной почти в их рост. Дым сгустился и принял форму.

Я не видела прежде такого оружия. Длинное основание из черной мореной древесины, за которое они схватились костяными пальцами (оказывается, у них были не только глаза), увенчивалось с двух сторон вытянутыми лезвиями с шипами по краям — словно к шести привязали два меча. Похоже на двухконечное копьё с вытянутыми наконечниками. Словно и

меч и копьё отдали свою самую смертоносную часть, чтобы получилось оно — «жало смерти». Моя плоть приготовилась вкусить яда из изогнутых шипов, торчащих по три на каждом лезвии.

Веры не было. Страх был.

Защиты не было. Но ведь я и не просила...

— Господи, помилуй меня, сохрани мою душу для твоей святой обители. Прости мне всякий грех и прими...

— З-з-замолчи, — зашипел главный и резким ударом жала разбил в щепки и без того поломаннный ящик, хранивший испорченные продукты.

Сок прогнивших овощей и щепки полетели мне в лицо.

Как они умудрялись вращать своими гигантскими копьями, не цепляя при этом друг друга, я так и не поняла, но ветер, создаваемый ими, приводил в движение все вокруг. Страшной всего было видеть, как развеваются по ветру их балахоны, где-то прогнившие, а где-то пробитые, и только мрак проглядывал сквозь эти дыры.

Я закрыла глаза, приготовившись к самому страшному, когда услышала чьи-то ровные шаги. Да, я их слышала сквозь гул города, сквозь свист ветра у меня в ушах, я слышала твердый шаг — таким может ступать только нога...

Их было трое. На вид лет двадцать пять, не больше, но в глазах читалась вечность. Белые, даже скорее золотые волосы спадали до плеч, и с каждым шагом переливались оттенками заката. Крупные парни двухметрового роста с телосложением греческих богов.

Полы белых плащей из легкой ткани, каких еще не видела современная мода, развевались по ветру, разделенные двумя разрезами по бокам. Белые брюки (какие носят на востоке только знатные вельможи или мастера единоборств) были ровными и легкими, и ни одной складки, ни единого пятнышка. Белые футболки так плотно облегали их торсы, что казалось, мускулы вот-вот прорвут материю.

Шли они шаг в шаг. Одной походкой. Как три близнеца. Правыми руками из-за спины они одновременно вынули из ножен поющие в воздухе мечи — яркие, как луч солнца, и светлые, как весеннее небо.

— В сторону! — твердо приказал тот, что шел посредине.

Он был старшим, на голове его было подобие золотого обруча, какого не было у двух его спутников, однако у того, что шел справа, на голове блестела золотая тесьма, а у того, что слева, — белая лента. (Может, это было воинское отличие? А может, я ошибаюсь.)

Демоны неохотно повернули к ним головы, а затем и тела.

— Вы не имеете права тут быть, она наш-ш-ша, — зашипел главный демон.

— Не тебе это решать, падший ангел...

Острые жала просвистело у самого носа белого парня.

— Она знает тайну Райского сада и должна умереть.

— Пусть она и знает, но она не была там, не знает дороги и не касалась ворот рая. Вы не имеете права трогать ее.

— Сипталех сказал...

— Сипталех, такое же лживое отродье, как и весь ваш род. Он мне не указ, а вам приказано Богом отпустить ее и убираться обратно в свои круги преисподней.

— А если нет!.. — демон решил подразнить соперников, но его заставило замолчать острие яркого меча, которое коснулось ветхого балахона на уровне груди, — запах тлеющей материи дымком пополз к небу.

— Ты за это заплатиш-ш-шь! Пусть все реш-ш-шит бой!

Это был вызов. И странная троица приняла его.

Все были готовы. Мечи звенели в руках атлетов от напряжения, а двухконечные копья-жала завертели еще быстрее.

Я не смогла понять, кто нанес первый удар и как именно это произошло, но сражение завязалось мгновенно, вместе с лязгом металла полетели искры. Воины в белых плащах с трудом успевали отбивать атаки, так как на каждого приходилось по два демона. Позже я увидела: поняв тактику нападения де-

монов, мои защитники в паузах (если десятую долю секунды можно назвать паузой) пытались нанести свой разящий удар. Мечи, руки, плащи — то черные, то белые — так быстро мелькали у меня перед глазами, что все слилось в сплошное мече-рукое существо черно-белой окраски.

Закат темнел, а битва набирала силу. Светлые мечи стали видны лучше, они как мощные фонари освещали поле битвы. Демоны в темноте видели превосходно.

Я заметила прыжок в воздухе, мелькнувший белым плащом и золотым обручем, красивый выпад и удар...

Вопль раненого зверя сотряс небо Сирии. Так рычит медведь, в чье брюхо вонзают раскаленный клинок. А может и громче...

Демоны замерли, соображая, что же произошло, особенно тот, кто кричал. Вонзившийся по самую рукоять светлый меч рванулся вверх, раскроив истлевший балахон пополам. Балахон упал на землю двумя кусками. Мрак, таившийся под ним, вспыхнул и растворился в воздухе ядовитым облаком сизого дыма.

Пять демонов против троих...

Я поняла, кто мои защитники, когда битва переместилась в небо. Да, именно в небо.

Сначала за спинами демонов, разрывая прогнившую ветшь, вырвались на свободу черные как смоль крылья, их тут же наполнил ветер. Четыре фигуры взмыли вверх. Выше улиц и домов, людей и города — к самым облакам.

Нет, они не убежали, им было проще воевать в небе. Защитники — тот, что с тесьмой, и тот, что с лентой, — замерли, посмотрели на меня, потом на своего командира, на пятого демона, который остался без пары и которому предстояло сразиться с лучшим из воинов, набрали полную грудь воздуха, словно тот придавал им силы, и огромные белые крылья, больше их роста, раскрылись за их спинами. Ветер и их принял в свои объятия, поднимая на небесную арену, где их уже ждали вражущиеся копыя-жала.

Ангелы, именно ангелы были моими заступниками. Никто не смог бы сразиться с демонами, кроме небесных воинов. Только они не чувствовали страха. Только они были готовы воевать насмерть ради человека, такого как я.

И снова завязалась битва. Лязг металла, искры у меня над головой, струйки дыма от подпаленных балахонов и белые перья, вырванные жалом. Война на небе и на земле. Проклятия и ругательства с шипением изрыгали безликие монстры, а в ответ было только молчание и удары клинка.

Вспышка зеленого дыма — еще одного демона не стало. Это ангел с лентой смог найти момент, чтобы срубить голову (пусть и невидимую, но реальную).

Но слишком дорого пришлось заплатить за победу.

Воронье, напавшее на белокрылых голубей, напоминали демоны мрака, не ведавшие страха ни перед кем, кроме своего владыки. Хитрость и обман пропитали их существо. Демон, бывший противником ангела с тесьмой, покинул своего врага и растворился во тьме. Удара в спину лентоносец не ожидал.

Жало прошло насквозь. Очертило зигзаг и вылезло.

Неуклюже сложились крылья у смертельно раненного ангела, он улыбнулся и камнем полетел вниз. Демону было этого мало — выставив жало, он кинулся наперехват. В воздухе вновь поддел на копье — поднял ввысь и, рубанув с десятков раз, бросил. Тело (если оно у ангелов так называется) изрубленного лентоносца, не долетев пары метров до земли, вспыхнуло миллионом ярких огоньков, которые, застыв на мгновение в воздухе, завертелись столбиком и умчались ввысь.

— Ты нарушил правила боя! — крикнул самый главный из ангелов, что был внизу. — Ты сделал это первым, и теперь мы имеем полное право...

Яркий взрыв света волной вырвался из-под одежд ангела с обручем, ослепив врагов.

Честно говоря, свет ослепил и меня, я только на слух поняла, что еще один демон мертв.

Двое против троих.

Теперь и ангел с обручем на голове расправил крылья и, кружась волчком, взлетел в небо. Двое демонов, зависших в воздухе спинами к друг другу, и опомниться не успели, как острие меча срезало их крылья. Сначала полетели перья, а потом плюхнулись наземь и темные пятна демонов — но это их не убило.

Ангел с тесьмой воевал в небе с последним крылатым демоном, в то время как старший накинудся на одного из упавших наземь.

Демон, для которого не нашлось противника, восстал перед моим лицом. Ехидно шипя, он замахнулся жалом, и я поняла, что теперь все кончено...

Луч света молнией прошел с головы до ног демона, напавшего на меня. Истлевая и корчась от боли, он расплылся мутным зловонным облаком и исчез.

— Ты в порядке? — старший из воинов стоял около меня.

Он меня видел и обращался ко мне. Он даже протянул руку для того, чтобы я могла встать.

Скорее всего, увидев, что я в опасности, он приложил все силы, чтобы избавиться от помехи, заграждавшей ему путь. И счет стал теперь — два один...

Пред моим носом блеснуло и остановилось острие жала.

Оно было брошено сверху.

Жало, острие которого остановилось у моего лица, выходило из ангела.

Мой спаситель был пронзен насквозь. Если бы не его руки, схватившие жало за самое лезвие, то оно пронзило бы и меня. Ангел упал на колени, выронил свой меч и вспыхнул миллионом огней, которые умчались столбиком вверх.

Ангел с тесьмой лежал на земле с обрубленным крылом, а в небе коршуном парил демон мрака. Последний из выживших и самый сильный из них.

Он вытянул руку, и жало послушно полетело к нему обратно. Он блеснул пустыми глазами, так что я это увидела даже с земли.

— Вс-с-се кончено! — прогремел его хриплый шипящий голос.

Словно рыцарь на турнире, он выставил жало лезвием вперед и, набирая скорость, полетел навстречу мне.

Не знаю как, но моя рука коснулась чего-то холодного, и яркий свет ударил мне в глаза. Меч, оброненный моим защитником, оказался у моих ног. Ангельский меч, который засветился небесным светом оттого, что я к нему прикоснулась. Каким-то образом я знала, как с ним нужно обращаться.

Я встала на ноги. Вращая его вокруг себя, я была готова к нападению.

Со стороны это было, наверное, ужасно смешно — монахиня, вращающая двуручный, прямой, полутораметровый меч. Он был просто прекрасен — мечта паладина. Узкое лезвие, испитанное небесными письменами и излучавшее свет, подобный неоновым лампам, привело в панику моего врага.

Он замахнулся, находясь метрах трех от меня, и этого мне хватило, чтобы, прыгнув ему навстречу, полоснуть по открытой груди. Балахон задымился, а демон отлетел в сторону. Я пошла в нападение. Зря он подставил в качестве защиты свое жало — я разрубила копьё на две части. Демон попятился, подкидывая мне под ноги разбитые ящики и гнилые овощи. Он взглядом срывал кирпичи с домов и кидал в меня, но моя реакция была намного быстрее. Я даже не смотрела по сторонам, мои руки делали все за меня. Я смотрела только в глаза демона, в те пустые глаза, в которых был страх, но уже не мой, а его. Он боялся меня.

— Отпус-с-сти меня! — прошипел он.

— Ты уйдешь... — сказала я. — Но только туда, откуда явился!

Демон не успел понять, как мир для него разделился пополам — на правый и левый. Да, я смогла это сделать. Так же, как делал ангел с обручем. Одним ударом я разрубила его с головы до ног (или что там у него было).

Зловонный туман рассеялся, и внутренний свет меча исчез.

— Молодец! — услышала я за спиной.

Еще четверо юношей в белых одеждах и с лебедиными крыльями за спиной.

Они чем-то отличались от тех, что защищали меня. Не было ни обручей, ни лент, не было даже мечей за спиной. Хотя по краям одежд у одного из них была окантовка из драгоценных камней.

— Ты правильно поняла — мы не воины, — сказал тот, что в драгоценностях.

Они читали мои мысли.

— Мы ангелы-наблюдатели и вестники. И ты должна выслушать нас очень внимательно.

— Хорошо, — это все, что я смогла из себя выдать.

— Твои друзья из Советского Союза нарушили границы и вошли в духовный мир. За это Бог не наказывает. Но границы охраняет прислужник лукавого — полуживой Сипталех. Шаманское поселение, сокрытое от людей, поддерживает его существование многие века, и Творец знает об этом. Сипталех — хозяин Долины теней, охранник дороги к источнику вечной жизни. Мститель, который не останавливается ни перед чем в рамках своей власти. Он мог свободно перемещаться по всей земле в виде духа, невидимым или же во плоти благодаря поддержке шаманов. Но теперь его сила вышла из-под контроля. Он может принимать любой облик, делать все что угодно в духовном и физическом мире, а все потому, что один из тех, кто нарушили границу, украл чашу Сипталеха. Это чаша сделана из хавилского золота, добытого на берегах реки Фисон. Чаша из духовного мира перешла в мир физический.

— Кто это сделал? — я хорошо узнала их всех, и в моей голове не укладывалось, что один из них мог совершить подобное.

— Не могу тебе сказать имя. Но скажу вот что: Сипталех не может убить еврея или каким-либо образом привести его к смерти. И еще: храм Сипталеха, в котором была эта чаша, находится в самом конце Долины смертной тени и охраняется

Мраком. И каждый вошедший в храм подвергается казни. Так что вынести чашу мог только кто-то из Божьего народа.

— А что особенного в этой чаше, что Сипталех так ею дорожит?

— Фисон — река, которая вытекает из Эдема. В истоках этой реки купаются корни Дерева жизни и пьют из нее воду. Река — одно целое с этим деревом. Золото у берегов этой реки идеальное. Никакой примеси или порока. Чистое золото, очищенное рекой жизни и тоже ставшее ее частью. Любая вода, налитая в чашу, становится чистой и живой. Она не дает бессмертия, но продлевает жизнь, укрепляет здоровье и возвращает молодость. Чтобы вода получила полное очищение, должен пройти полный цикл луны, и этой порции хватает только одному человеку. Чашей может пользоваться только один человек. Больше таких чаш нет, поэтому только с ее помощью Сипталех мог поддерживать свои тела в крепости и здоровье.

— Так это же хорошо! — сказала я ангелу-вестнику.

— Да, если бы не открылась дверь из духовного мира для его неограниченного гнева. Обычно мы не вмешиваемся в жизнь тех, кто захотел найти путь в вечность или святую чашу. Каждый из них видел предупреждение на воротах и знал, что делает.

— Но в этот раз вы поможете русским?

— Нет, не мы. Мы не можем.

— Кто же? — я была обижена и немного сердита на то, что он стоит и болтает со мной о древнем колдуне, которому самое место в преисподней, когда тот уничтожает моих друзей на корабле.

— Им поможешь ты! — совершенно спокойно сказал он. — Мы позволяем тебе взять этот меч. Он предназначен только для защиты, и знание, как им владеть, придет к тебе само. — Он говорил так, будто не видел, как я разрубила демона. — Ты проводишь их до самой Одессы.

— А кто за них заступится там?

— Уже все решено. На битву с Сипталехом выйдет неожиданный защитник. Творец любит брать ничего не значащее в глазах демонов и превращать в настоящих воинов. Это может быть тихоня-монахиня, как ты, или голубоглазый парень Виталий — тот, кого уже усмотрел Бог. Ему будет непросто, как было непросто и тебе — но он справится, как и ты справилась. И все это только потому, что за вами Бог. А сейчас пора!

Он взял меня на руки и поднял в небо. Мы полетели к кораблю.

— Вы мне не верите, преподобный? — Матушка Мария-Тереза отвлеклась от исповеди и укоризненно посмотрела на отца Константина.

— Знаете, матушка, чтобы вернуть тетрадку, необязательно было сочинять столько лжи, особенно перед смертью.

Он бросил ей тетрадь.

— Зря вы так, преподобный. Жаль, что вы мне не верите.

— Вы будете исповедоваться или нет? — рассерженно спросил он.

— В чем, святой отец? — Матушка не понимала разгневанного священника.

— В колдовстве! — крикнул он и сам испугался своего крика.

— Мне действительно вас очень жаль. Через минуту вы уйдете, не отпустив моих грехов, хотя я в этом и не нуждаюсь, так как Господь мне уже все простил. И смерть настигнет вас так быстро, что ваши грехи останутся с вами.

— Еретичка, да я вас на отлучение от святой...

Дверь скрипнула, и появилось лицо, бледное как мел. Это была сестра Лаура. Ей пришлось взять на себя великий грех — прервать исповедь, но новость, которую она принесла, была ужасающей.

— Святой отец, церковная библиотека горит.

Священник на миг испугался, как бы слова матушки не оказались пророческими для него, но потом собрался и, выходя из кельи, сказал ей через плечо:

— Лучше вам умереть сейчас, тогда вы не услышите анафемы, которую я объявляю завтра на утренней службе.

Дверь захлопнулась резко и громко.

Мария-Тереза произнесла короткую молитву, вытерла дрожащей рукой слезы и повернула голову в сторону дверей, за которыми пряталась Кассандра.

— Голубушка, выходи, я знаю, что ты там.

Дверь тихонько скрипнула, и девушка, на лице которой читалось только недоумение, вышла из своего убежища.

— Простите, матушка. Когда я поняла, что исповедь началась...

— Все в порядке, не бойся. Я хотела, чтобы ты это услышала, потому что ты единственный человек, кому я могу доверять.

— Я? — Кассандра думала, что в лучшем случае ее место в рейтинге доверия настоятельницы где-то в последних рядах.

— Да, потому что в тебе я вижу себя. — Матушка задумалась на мгновение, а потом спросила, как всегда заглядывая глубоко в глаза. Ведь глаза не врут никогда. — Ты тоже считаешь, что я ведьма?

— Что вы, матушка! Для меня вы ангел во плоти. — Кассандра упала на колени возле кровати матушки. — Каждое слово из ваших уст для меня подарок.

— Значит, ты веришь этой истории? — Матушка словно принимала исповедь.

— Конечно, верю!

— Возьми это, деточка. — Мария-Тереза приподнялась на подушках и протянула Кассандре тетрадь. — Спрячь ее в самом надежном месте Венеции, надеюсь, ты знаешь, где оно? — и настоятельница протянула Кассандре свою связку ключей.

Кассандра поняла и кивнула, а потом вспомнила о самом главном препятствии.

— А отец Константин?

— Его уже поздно бояться, должно быть, Сипталех уже встретил его.

— Так что же, он убил его?

— Скорее всего. Но прежде священник рассказал, где может быть то, что разбудило демона, — и старая монахиня кивнула на тетрадь. — Если он не уничтожит ее в течение полного лунного цикла, его физическое тело умрет и его дух будет вынужден уйти в ад. Постарайся сберечь ее.

— А может ли он убить меня? — Кассандра была ужасно нервной, полагая, будто от матушкиного «нет» она станет неуязвимой.

— К сожалению, может, — вздохнула матушка тяжело, ей было жалко возлагать на плечи Кассандры такую ношу. — Я тебе передам то, что никогда не принадлежало мне, но что дано мне в пользование. Это должно помочь тебе.

Матушка отключила аппарат, поддерживающий работу сердца, отсоединила провода и капельницу.

— Матушка, что вы делаете? Вы же умрете! — Кассандра хотела помешать, но настоятельница уже все решила.

Опираясь на край кровати, Мария-Тереза встала и шаркающими шагами подошла к двухметровому распятию. Это был настоящий шедевр из дерева, сделанный на заказ самым искусным мастером Венеции. Нажав пальцем кнопку, спрятанную в терновом венце Спасителя, она привела в движение невидимый механизм.

Распятие открылось, словно шкатулка. К удивлению Кассандры, внутри оно было полое. Какой-то предмет, замотанный в ветошь, внутри длинный и тонкий и, похоже, тяжелый. Матушка прикоснулась к нему рукой, и сквозь ветошь начал пробиваться неземной янтарный свет. Для Марии-Терезы этот предмет не был тяжел, она сняла его с подставки и освободила от ветоши.

Это был тот самый меч, о котором она говорила в исповеди. Меч ангела. В реальности он выглядел еще прекраснее, чем его описывала настоятельница. Меч заиграл лучами внутреннего света. Матушка подняла его над головой и очертила пару восьмерок.

— Для святого человека он легок, как лебединое перо, а грешник не в силах его поднять даже на миллиметр. Пусть же он служит тебе для добра и для защиты.

Мария-Тереза отдала меч в руки Кассандры.

Девушка боялась, что она несовершенно и меч тяжелым грузом выпадет из ее рук, но этого не произошло. Он сверкнул, переходя из рук в руки. Клинок послушно вращался в руке Кассандры со свистом разрезая воздух, и она почему-то знала, какие нужно делать движения, чтобы меч стал продолжением ее руки. Она хотела попробовать разрубить свечу...

Окно разорвалось миллионом осколков.

Он появился весь в черном, верхом на крылатом коне, на боку которого был сильный ожог. В его руке тряпичной куклой висело тело отца Константина. Жрец бросил его к ногам монахинь.

Женщины вскрикнули. Тело священника выглядело так, словно его сбросили с огромной высоты, и не один раз.

— Что тебе нужно, лживое отродье? — твердо спросила матушка, едва стоявшая на ногах.

— ТЫ! — прогремел он.

Матушка глянула в глаза Кассандры, как бы говоря: «Забери меч, тетрадь и убегай!»

— А как же вы? — Кассандра не могла ее бросить.

— Беги! Найди Виталия из России, я не знаю его фамилии и откуда он, но Бог тебе поможет. Вместе вы сможете победить. Беги, я его задержу.

Киранез рассмеялся, спускаясь с коня.

— Она никуда не пойдет!

— А это не тебе решать, — из последних сил проговорила матушка и толкнула Кассандру к дверям.

Девушка открыла дверь. На пороге стояли два истекающих слезью обезьяноподобных существа с перепончатыми крыльями за спиной. В руке каждого было по почерневшему, но еще довольно острому ятагану, которые со свистом мелькали у нее перед самым носом. Меч вспыхнул в руке, и неожиданно для

себя она нанесла два разящих удара. Четыре половины, некогда бывшие демонами, истлевали на глазах.

— Меч ангела? Он до сих пор у тебя? — удивился Киранез.

— Да, потому что ты еще жив и не даешь жизни людям.

Кассандра уже не слушала разговор, она побежала прочь, чтобы спрятать в самом сокровенном месте Венеции, куда даже демон не просунется. Она бежала, инстинктивно вращая мечом, чтобы расчистить себе дорогу в толпе заполонивших монастырь демонов. Другие сестры их не видели, они не видели и меча. Они видели только, как Кассандра несется с воинствующим криком по коридору, одной рукой размахивая во все стороны, а другой крепко прижимая к груди тетрадь и связку ключей.

— Я разберусь с тобой потом! — сказал Киранез и вскочил в седло.

Конь повернулся и попытался выпрыгнуть в окно, но его копыто оказалось в капкане. Это была рука старой монахини.

— Ты никуда не пойдешь! — крикнула она и швырнула о стену жеребца с наездником. В ее руках они были словно куклы.

Киранез поднялся первым, но тут же оказался в крепких руках Марии-Терезы.

— Духовная сила не проходит с годами, а только умножается. Если бы я знала, как тебя убить, — я бы это сделала.

— Отпусти меня, старуха! — Киранез напрасно пытался вырваться из ее цепких рук.

— Не сейчас, — твердо говорила она.

— СЕЙЧАС! — крикнул он и еще раз попытался вырваться, но не смог.

С его криком келью наполнили толпы мерзких тварей. Комната стала словно безразмерной, вмещающая в себя тысячи существ преисподней. Каждый из духов хотел оттащить монахиню от хозяина, но не мог, так как, касаясь ее тела, они вспыхивали и превращались в пепел. Они пытались запугать ее криками, воплями, корчили ужасные рожи и размахивали мечами, но

она все крепче и крепче сжимала руки, причиняя боль полуживому жрецу.

Внезапно старая монахиня разжала руки.

— Все, она это сделала! Теперь, Сипталех, ты в ловушке, а я ухожу...

Словно вспышка ядерного взрыва разорвала потолок в келье, осветив ее мощным светом тысячи прожекторов. Душа оттолкнулась от земли и поплыла вверх.

Получивший свободу Киранез вскочил на жеребца и вылетел в окно. Луч света пропал, забрав то, зачем пришел. Демоны, ослепленные и беспомощные, побросали ятаганы и стали расползаться по всему монастырю. Только неподвижное тело Марии-Терезы осталось лежать посреди кельи. Улыбка была на ее лице. Как великий воин Божий и пророк, она знала, что кончина Сипталеха неизбежна. А еще ее радовало, что Бог позволил и ей внести свой вклад в грядущую победу.